3. Итоги и последствия

К началу кампании СССР был не самой пьющей страной мира. На душу населения в 1980 г. потреблялось 8,7 литра абсолютного алкоголя, в 1985 г. — 7,2 литра. В Автрии, соответственно, — 11,0 и 11,2, в США — 8,6 и 8,3[26]. Однако качество алкогольных напитков в СССР было значительно худшим, чем на Западе, и влияние их на организм было разрушительнее. Антиалкогольная кампания преследовала целью ограничить потребление всех спиртных напитков, не давая альтернативы.

В 1988 г. потребление алкоголя в СССР составило уже 3,7 литра на душу[27]. Однако это не значит, что все стали пить меньше. Меньше стали потреблять спиртное малопьющие, а семьи, которые пили много, не могли немедленно, по велению партии и правительства, стать трезвенниками. В период антиалкогольной кампании даже появился анекдот: «Дочка спрашивает: «Папа, ты теперь будешь меньше пить?» — «Нет, дочка, ты теперь будешь меньше есть».

Имелось в виду не только повышение цен на спиртое, но и немедленно развернувшаяся спекуляция алкогольными напитками. Поскольку алкогольные напитки попали в разряд дефицита, они стали продаваться «вне очереди» и в неположенное время «с черного хода». Продавцы и покупатели составляли устойчивые сообщества, которые не удалось разрушить полицейскими методами. Таким образом, кампания стала одним из важнейших источников формирования криминального капитала, сыгравшего значительную роль в последующих социально-экономических процессах.

Дефицит на спиртное привел и к подрыву монополии государства в этой области. Несмотря на уголовное преследование, население развернуло массовое производство самогона. Оценить его масштабы затруднительно, так как конспирация самогонщиков укрепилась. Но уже в 1984 г. в СССР производилось ориентировочно 160 миллионов дал. самогона.

Таким образом, большую часть водки советские люди производили в индивидуальном секторе. Качество продукции здесь было, как правило, ниже, чем на государственных заводах (там оно тоже оставляло желать лучшего). Это не могло не сказаться на состоянии здоровья населения.

Особенно тяжело пришлось тем людям, которые не могли достать спиртое в необходимых для них количествах. В медицинских учреждениях в 1980 г. с диагнозом хронического алкоголизма и алкогольного психоза стояли на учете 1236 человек на 100000 населения. В 1985 г. уже 1617, в 1986 г. — 1622, в 1987 г. — 1633. И только после постепенного отхода от антиалкогольной кампании в 1988 г. этот показатель пополз вниз, составив 1603 человек на 100000[28].

Еще более опасным симптомом стал рост наркомании и токсикомании. Конечно, наркомания существовала и прежде. Так, например, в январе 1979 г. в «Комсомольскую правду» пришло письмо о группе московских наркоманов[29]. Широко была распространена наркомания в Средней Азии. В 1980 г. на 100000 человек приходилось 1,3 человека, впервые зарегистрированных с этим диагнозом. В 1985 г. этот показатель составил уже 3,5, в 1986 г. — 5,9, в 1987 — 8,6 и в 1988 г., как и в случае с алкоголиками, — снижение до 6,0. Близкая тенденция прослеживается и с хроническими наркоманами и токсикоманами — 1980 — 13,6, 1985 — 14,9, 1986 — 17,1, 1987 — 21,6. Но хроническая наркомания оказалась явлением более устойчивым, чем алкоголизм, и не отреагировала на прекращение антиалкогольной кампании в 1988 г. Количество хронических наркоманов и токсикоманов, зарегистрированных в медучреждениях, составило на 100000 человек в 1988 24,3 человека[30].

Это новое (по крайней мере в таких масштабах) для СССР явление стало широко обсуждаться позднее, однако начало всплеску наркомании положила именно антиалкогольная кампания. Также как и в случае со спиртным, антиалкогольная кампания способствовала усилению мафиозных формирований — на этот раз более агрессивной и решительной мафии, связанной с производством, транспортировкой и сбытом наркотиков. Эта мафия существовала всегда, и борьба с ней обычно велась достаточно суровыми методами. Однако в 1985—1986 г. уголовная статистика показывает всплеск зарегистрированных преступлений в этой области с 35847 до 48425. В 1987 г. разворачивается более решительная, чем раньше, борьба с наркоманией — к этому времени на эту проблему обращает внимание и пресса — и правоохранительным органам удается сбить показатель до 38643 зарегистрированных преступлений (реальное число операций наркомафии было, естественно, значительно больше). В 1988 г., после ударов по плантациям наркотиков в Средней Азии, количество зарегистрированных преступлений в этой области упало до 26054, то есть ниже, чем в 1985 г.[31] Однако капиталы уже были накоплены, и решительные люди с криминальными навыками занялись бизнесом.

Рост наркомании, алкогольных психозов и «теневой торговли» были вполне предсказуемы, так как «партия и правительство» не оставили пьющим людям никакой альтернативы. Даже производство шампанского и то

было несколько снижено (с 21,9 млн. дал. в 1985 г. до 20,6 млн. дал. в 1987 г.)[32].

Но социальные причины пьянства ликвидированны не были. Пока о них нельзя было даже публично заявить. Коммунистическая партия не могла признаться в том, что людей заставляет пить безысходность на работе и дома, отсутствие развитой инфраструктуры развлечений, общий кризис системы воспитания и образования (равно как и всех прочих систем), однообразие жизни и дефицит на все и вся, кроме водки. Теперь водка исчезла, но других развлечений не появилось. Люди, которых государство спаивало веками, не могли жить без наркотика. Отсюда гиганские очереди у магазинов, взятки продавцам за возможность получить заветную бутылку, рост наркомании и токсикомании (особенно среди молодежи), самогоноварения и хронического алкоголизма. Открытое пьянство прежних времен просто трансформировалось в другие, часто более злокачественные формы.

Однако антиалкогольная кампания имела и тяжелые экономические последствия. Прежде всего новый курс сказался на виноградарстве. По винодельческим сортам винограда, часть которых становилась теперь «ненужной», был нанесен тяжелый удар — они попросты вырубались. В Азербайджане были вырублены несколько тысяч гектар виноградников, посаженных здесь лишь недавно[33]. Впоследствии в этих варварских действиях были обвинены «исполнители», которые оказались «святее папы». Однако здесь (как и случаях с другими изгибами курса КПСС) мы имеем дело не с перегибами, а с целенаправленной политикой. Вспоминает первый секретарь компартии Грузии Э.Шеварднадзе: «В 1985 г., узнав о готовившихся антиалкогольных законах, я пришел в ужас. Перестройка начиналась с ошибки, губительной, по крайней мере для нашей республики. Директива об очередной “борьбе” с очередным “злом” сулила причинение неизбежного урона промышленному виноградарству — одной из основ нашей национальной экономики. Этот урон можно было спрогнозировать и подсчитать»[34].

Итак, удар по промышленному виноградарству предусматривался заранее и не был инициативой «местных кадров». Хотя многое зависело и от исполнителей «генеральной линии». Э.Шеварднадзе продолжает: «Должен повиниться: я ничего не сделал, чтобы предотвратить это. Только стал изыскивать способы ослабить удар по нашему виноградарству и виноделию»[35]. Однако цифры свидетельствуют, что эти «изыскания» ни к чему хорошему не привели. Сбор винограда в Грузии был сокращен с 996 тысяч тонн в 1980 г. до 915 тысяч тонн в 1985 г. (то есть сразу после удара). В соседней Армении сбор винограда, напротив, возрос с 206 до 252 тысячи тонн. В Азербайджане — с 1481 тысячи тонн до 1790 тысячи тонн[36]. Таким образом, подавление виноградарства в Грузии проводилось более решительно, чем в соседних республиках. Усердие Э.Шеварднадзе было замечено — уже в июне 1985 г. он был вызван в Москву и вошел в высшее руководство страны.

Подрывом виноградарства экономический ущерб от антиалкогольной кампании не ограничивался. Производство спиртного было значительным источником бюджетных поступлений, так как разница между себестоимостью и продажной ценой здесь была очень велика. Почти вся стоимость

проданного алкоголя поступала в доход государства. В 1980 г. было произведено спиртного на 71 миллиард рублей. В 1985 г. эта цифра снизилась до 60,7 миллиарда, в 1986 г. — до 36,8 миллиарда и в 1987 г. до 36,5 миллиарда, то есть почти вдвое по сравнению с 1980 г.[37] Только в 1988 г. по завершении кампании производство спиртного снова выросло до 42,6 миллиардов рублей[38]. Всего доход бюджета составлял в 1985 г. 372,6 миллиардов рублей. В 1986 г. он снизился на миллиард, но позднее снова стал расти. Итог этого роста известен — напряженность на потребительском рынке к концу десятилетия донельзя обострила проблему дефицита. Заткнуть столь значительную дыру, как доход от производства алкоголя, было не легко. Антиалкогольная кампания положила начала финансовой дестабилизации.

Естественно, что ущерб от снижения производства спиртного тоже мог быть спрогнозирован. Но авторы кампании рассчитывали покрыть его за счет роста производительности труда в результате улучшения дисциплины «протрезвевших» людей. Психологические и медицинские последствия кампании, о которых говорилось выше, не позволили воплотить эти надежды в жизнь.

Однако некоторые сдвиги все же произошли. Несмотря на ужесточение ответственности за совершение преступлений в нетрезвом состоянии, их количество снизилось с 533555 человек в 1985 г. (30,9 % от общего числа преступлений) до 415384 (24,3 %). Но одновременно, хотя и в гораздо меньших масштабах, росло количество преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения (с 2960 человек в 1985 г. (0,2%) до 4285 (0,3) в 1986 г.)[39].

Косвенным подтверждением укрепления технологической дисциплины в период антиалкогольной кампании является динамика дорожно-транспортого травматизма. В 1984—1985 гг. число погибших в дорожно-транспортных происшествиях снизилось с 46726 человек до 41337. В 1986 г. — до 39012. В 1987 г. количество погибших чуть повысилось — до 39697 человек. После прекращения кампании в 1988 г. количество погибших снова возросло до 47197[40]. Таким образом, с антиалкогольной кампанией связано спасение тысяч жизней.

Несмотря на эти позитивные последствия кампании, ее долгосрочные негативные последствия более существенны. Социально-психологический удар по обществу и нарушение экономического равновесия перекрыли скромные результаты в области укрепления «порядка» в обществе. Выступая в Верховном совете СССР 17 июня 1991 г. премьер-министр СССР В.Павлов сообщил депутатам общую сумму ущерба от антиалкогольной кампании — 200 миллиардов рублей. Однако в 1985 г. «пуритане» были удовлетворены первым практическим шагом нового руководства. Это обеспечивало прочность «тылов» Генсека в борьбе за укрепление его власти.

Примечания

1. Горбачев М.С. Указ. соч. Т. 2. С. 213.

2. Там же. С. 224.
3. Известия. 17.05.85.
4. Там же.
5. Там же.
6. Воротников В.И. Указ. соч. С. 60.
7. Лигачев Е. Указ. соч. С. 286.
8. Рыжков Н. Указ. соч. С. 95.
9. Табачник Г. Последние хозяева Кремля. М., 1990. С. 387—389. Книга Г.Табачника представляет собой типичное «советологическое» сочинение — художественно-документальный детектив, полный крайне тенденциозных и не доказанных оценок. Тем не менее Г.Табачник привлекает в качестве иллюстраций некоторые подлинные документы
10. Шахназаров Г. Указ. соч. С. 39.
11. Горбачев М. Указ. соч. С. 339.
12. Волкогонов Д. Указ. соч. С. 333.
13. Горбачев М. Указ. соч. С. 339—340.
14. Черняев А. Указ. соч. С. 39.
15. Цит. по: Волкогонов Д. Указ. соч. С. 334.
16. Байбаков Н. Указ. соч. С. 158—160.
17. Там же. С. 161.
18. Рыжков Н. Указ. соч. С. 95—96.
19. Горбачев М. Указ. соч. С. 341.
20. Лигачев Е. Указ. соч. С. 287.
21. Байбаков Н. Указ. соч. С. 161.
22. ЦХСД. Ф. 89. Оп. 11. Д. 38. Л. 7.
23. Народное хозяйство в СССР. С. 132.
24. Горшков М.К. Общественное мнение. М., 1988. С. 323.
25. Там же.
26. Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., 1991. С. 672.
27. Там же.
28. Там же. С. 250.
29. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 213. Л. 10.
30. Преступность и правонарушения в СССР. М., 1990. С. 250.
31. Там же.
32. Там же. С. 132.
33. Байбаков Н. Указ. соч. С. 162.
34. Э.Шеварднадзе. Мой выбор — в защиту демократии и свободы. М., 1991. С. 32.
35. Там же.
36. Народное хозяйство... С. 485.
37. Там же. С. 5.
38. Там же.
39. Преступность... С. 89.
40. Там же. С. 103.